

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.17223/19986645/95/5

Типы пояснительных отношений в построениях с непредикативными вставными конструкциями

Ирина Юрьевна Кононова¹

¹ *Чирчикский государственный педагогический университет,
Чирчик, Узбекистан, konirina@inbox.ru*

Аннотация. На основе соотношения объемов понятия поясняемого и поясняющего компонентов выделены следующие разновидности пояснительных отношений в построениях с непредикативными вставными конструкциями: уточнение (разновидности: собственно уточнение, уточнение через повтор с распространением, уточнение через перечисление, включение, исключение); обобщение; отождествление (разновидности: перевод, синонимическая замена, отождествление номинаций с единичным объемом понятия).

Ключевые слова: вставные конструкции, пояснительные отношения, объем понятия, уточнение, обобщение, отождествление

Для цитирования: Кононова И.Ю. Типы пояснительных отношений в построениях с непредикативными вставными конструкциями // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 85–107. doi: 10.17223/19986645/95/5

Original article

doi: 10.17223/19986645/95/5

Types of explanatory relations in constructions with non-predicative parentheticals

Irina Yu. Kononova¹

¹ *Chirchik State Pedagogical University, Chirchik, Republic of Uzbekistan,
konirina@inbox.ru*

Abstract. The aim of the study is to develop a classification of explanatory relations in constructions with parentheticals based on logical relations. The research is conducted on the material of Russian literary works of the 19th–20th centuries. Contextual and component analyses were used in the development of the classification. The study involves a comparison of explanatory relations with coordinative and subordinative ones. The specificity of explanation is described as a subject-expressive and subject-oriented form of syntax, serving a metacommunicative function. Explanatory relations are defined as relations that arise between two components (the explained and the explaining) performing the same syntactic function but not connected by coordinating or subordinating conjunctions and not entering into enumeration relations with each other. Based on the analysis of scientific literature and language material, a classification of

explanatory relations in constructions with parentheticals was developed. This classification is grounded in correlating the extensions of concepts of the explaining and the explained components. The extension of a concept is viewed as a scale, at one end of which pronouns are located as non-specific words performing an indicative function, with their potential extension approaching infinity; at the other end of this scale are proper nouns, another type of non-specific words, whose function is the unique naming of an object, and their conceptual volume tends towards unity. Content words occupy the intermediate position. Three main types of explanatory relations in constructions with parentheticals are identified: (1) specification (narrowing the extension of the concept when moving from the specified to the specifying); (2) generalization (expanding the extension of the concept); (3) identification (equating the extensions of the concepts). Specification most closely corresponds to the logic of the progressive development of the text: from general to specific, from less information to more. Generalization achieves progressive development of the text through the exchange of characteristics between an element and a set: by endowing the set with the properties of the referent or by endowing the referent with the properties of the set. Identification violates the logic of the progressive development of the text; the informational value of identification is determined by its metalinguistic function, that is, by ensuring the interaction of various signifiers caused by differences in languages, sociolects, idiolects or constitutions.

Keywords: parentheticals, explanatory relations, extension of concept, specification, generalization, identification

For citation: Kononova, I.Yu. (2025) Types of explanatory relations in constructions with non-predicative parentheticals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 85–107. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/5

Введение

Под вставными конструкциями (ВК) мы понимаем «выделенные скобками или парным тире синтаксические конструкции, которые связаны по смыслу с основным предложением <...>, но могут быть опущены без нарушения синтаксической структуры основного предложения» [1. С. 66]. Одной из базовых функций ВК является пояснение. Указания на эту функцию включаются в состав смысловой характеристики ВК («дополнительные замечания, уточнения, пояснения, поправки» [2. С. 165]) и становятся одним из оснований для отграничения ВК от вводных конструкций («Если вводные элементы <...> имеют преимущественно субъективно-оценочное значение, то вставные – объективно-пояснительное» [3. С. 269]). Пояснительные отношения в построениях с ВК обычно рассматриваются в контексте общей функциональной классификации ВК: так, Ю.Г. Полякова описывает три функциональных разновидности ВК: 1) ВК с функцией дополнительного сообщения; 2) ВК с уточняюще-пояснительной функцией; 3) ВК с экспрессивно-оценочной функцией [4. С. 6]. И.И. Гавриленко выделяет уточнение, пояснение и обобщение как разновидности реализации служебной (метатекстовой) функции ВК [5. С. 12]. Описанию уточняющих функций ВК в художественном тексте посвящена работа М.Н. Кулаковского [6]. Однако анализ пояснительных отношений в построениях с ВК затруднен в связи с тем, что

проблема пояснительных отношений в целом остается дискуссионной: расхождения во взглядах исследователей прослеживаются как в вопросе о грамматическом статусе пояснительных отношений, так и в вопросах их классификации.

Целью данной работы является разработка основанной на логических отношениях классификации пояснительных отношений в построениях с ВК. Методом сплошной выборки была составлена картотека языкового материала на основе произведений русской художественной литературы XIX–XX вв.; собранные образцы языкового материала были проанализированы с использованием методов контекстуального и компонентного анализа и распределены по группам и подгруппам в соответствии с логическими операциями, осуществляемыми при переходе от поясняемого компонента к поясняющему.

Вопрос об определении пояснительных отношений

Вопрос о грамматическом статусе пояснительных отношений в русском языкознании имеет три варианта решения: толкование пояснительных отношений как подчинительных, как сочинительных или как самостоятельного вида отношений, промежуточного между сочинением и подчинением. Так, А.М. Пешковский относит пояснительные союзы, а следовательно, и выражаемые ими отношения к подчинительным [7. С. 487]. В учебниках по морфологии [8, 9] пояснительные союзы чаще относятся к сочинительным, однако оговаривается, что эта точка зрения разделяется не всеми исследователями. В Русской грамматике 1980 г. пояснительные отношения характеризуются как «в целом сочинительные», но имеющие некоторые признаки подчинения: «...один из членов ряда служит другому, не будучи зависим от него формально» [10. С. 168]. А.Ф. Прияткина отмечает, что «с синтаксической стороны пояснительные отношения не совпадают полностью ни с сочинением, ни с подчинением, соединяя в себе признаки и того и другого» [11. С. 358–359]; сходной точки зрения придерживаются И.П. Распопов и А.М. Ломов, характеризуя пояснительные отношения как особый тип связи, «отличный от известных нам типов подчинения и сочинения и по способу реализации, и по назначению», при котором последовательная связь «преобразуется в параллельную, благодаря чему значения соответствующих членов конструктивно-синтаксического ряда не складываются друг с другом, а как бы накладываются одно на другое» [3. С. 263].

Мы считаем целесообразным выделять пояснительные отношения в качестве особого типа – особенно в применении к ВК, поскольку для данного класса синтаксических единиц пояснительные отношения с основным предложением являются высокочастотными, а сама функция пояснения, вероятно, для ВК – одной из первичных. Можно утверждать, что пояснительные отношения занимают промежуточное положение между сочинительными и подчинительными.

С сочинительными отношениями пояснение сходно в структурном плане: для обоих типов отношений характерна одинаковая синтаксическая функция связываемых компонентов и возможность реализации как на уровне простого, так и на уровне сложного предложения. Однако структурное сходство сочинительных и пояснительных отношений не является полным. Так, при пояснении, в отличие от сочинения: 1) изменение порядка следования компонентов приводит к смысловым преобразованиям; 2) поясняющий компонент подлежит двустороннему пунктуационному выделению на письме и обладает особой интонацией в устной речи [11. С. 359].

С подчинительными отношениями пояснение сходно в смысловом плане: на семантико-функциональном уровне поясняемый и поясняющий компоненты не являются равноправными; с функциональной точки зрения поясняющий компонент выполняет вспомогательную функцию (служит для раскрытия смысла поясняемого) и по этой причине может рассматриваться как элемент, подчиненный поясняемому. При этом, однако, отношения между поясняемым и поясняющим компонентами в точности «не соответствуют ни одному виду подчинительной связи: ни согласованию, ни управлению, ни примыканию» [12. С. 67]. По этой причине квалификация семантических отношений между поясняемым и поясняющим представляет собой отдельную проблему. С одной стороны, из-за смыслового неравноправия компонентов пояснительной конструкции «между поясняемым и пояснением устанавливаются отношения обусловленности, а сами члены относятся друг к другу как определяемый и определяющий» [13. С. 24]. С другой стороны, как утверждает А.Ф. Прияткина, «логическую основу пояснительных отношений составляет мысль о тождестве» [14. С. 64], и в этом плане отношение между поясняемым и поясняющим элементом «больше похоже на предикативное, чем на определительное» [15. С. 10].

Выражаемое «отношение тождества» [16. С. 173] представляет собой принципиально важную особенность пояснительных конструкций, отличающую их и от сочинительных, и от подчинительных структур: и при сочинении, и при подчинении связываемые компоненты имеют разные обозначаемые; при пояснении же оба компонента (поясняемый и поясняющий) имеют одно и то же обозначаемое; «соотносятся с одним референтом» [12. С. 68]. Поясняемый и поясняющий элементы по сути представляют собой разные номинации одной и той же реалии. Применение разных номинаций для обозначения одного и того же референта приводит к приравниванию самих номинаций, т.е. к выражению «отношений между знаками» [17. С. 128]. Следовательно, сама операция пояснения является «метафункцией» [17. С. 128], имеет метакоммуникативную природу.

При пояснении «важную роль играет субъективная позиция говорящего» [13. С. 25], которая проявляется и в выборе поясняющего компонента (т.е. в суждении о применимости поясняющей номинации для референта, обозначенного поясняемой номинацией), и в принятии решения относительно самой необходимости совершения акта пояснения. Как указывает С.П. Петрунина,

пояснение «возникает по воле и замыслу говорящего» [18. С. 20]. Таким образом, можно утверждать, что пояснение представляет собой явление субъектно-экспрессивного синтаксиса.

Как метакоммуникативное явление, пояснение служит для обеспечения более точного понимания содержания высказывания, сокращая «разрыв в знаниях относительно предмета разговора» [18. С. 25]. По этой причине можно утверждать, что пояснение обладает свойством ориентированности на адресата и, следовательно, представляет собой не только субъектно-экспрессивное, но и субъектно-ориентированное (ориентированное на адресата) синтаксическое явление.

Сказанное дает основания для формулировки **определения пояснительных отношений**. Пояснительными мы считаем те отношения, которые возникают между двумя компонентами (поясняемым и поясняющим), выполняющими одинаковую синтаксическую функцию, но не связанными сочинительными или подчинительными союзами и не вступающими между собой в отношения перечисления. Поясняющий компонент подлежит обязательному графическому выделению: двустороннему (посредством запятых, тире или скобок) либо одностороннему (посредством дефиса). В разговорной речи, публицистических и художественных текстах пояснительные конструкции представляют собой субъектно-экспрессивную и субъектно-ориентированную форму синтаксиса, поскольку организуют дополнительное ранжирование информации в соответствии с субъективными суждениями и оценками, накладывающееся на основное ранжирование информации, отраженное в иерархической структуре предложения. В официально-деловом и научном стиле субъектно-экспрессивная природа пояснительных конструкций нивелируется из-за клиширования.

Вопрос о типах пояснительных отношений

В Русской грамматике 1980 г. в разделе «Пояснение» (автор раздела – А.Ф. Прияткина) выделяются «три вида пояснительных отношений: собственно пояснение, включение и уточнение» [10. С. 174]. Более детально данная классификация раскрыта А.Ф. Прияткиной в монографии «Синтаксис осложненного предложения»: 1) **пояснение**: а) собственно отождествление (*то есть*); б) конкретизация (*а именно, как то, будь то*); 2) **включение**; 3) **уточнение**: а) ограничение; б) конкретизация; в) дополняюще-уточняющее значение [14]. В качестве основного критерия в этой классификации используются служебные слова: 1) при **пояснении** утверждается полное тождество объектов, которое оформляется с помощью союзов *то есть, а именно, как то, будь то*; вводных слов *вернее, точнее, иначе говоря*; а также особой «предупредительной» интонации; 2) при **включении** наблюдается неполное тождество объектов, которое оформляется с помощью вводных слов *например, в том числе, в частности, особенно*; 3) при **уточнении** не происходит утверждения тождества и не допускается использова-

ние союзов или специальных вводных слов, оформляющих другие типы пояснительных отношений; единственным формальным показателем данного типа является обязательная обособляющая интонация [14. С. 68–77]. Данная классификация широко используется в других работах [13, 18].

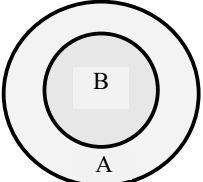
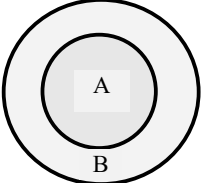
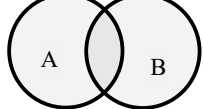
Достоинством классификации А.Ф. Прияткиной является опора на отчетливые формальные признаки (союзы, модальные слова, возможность/невозможность их использования). К недостаткам можно отнести следующие особенности: 1) только частичная и не вполне последовательная опора на логические отношения поясняемого и поясняющего (ср.: «С логической точки зрения, уточнение не всегда можно четко отличить от пояснения» [14. С. 75]); 2) выделение конкретизации как подтипа в двух разных типах – в пояснении и в уточнении (ср.: «Пояснение и уточнение четко не различаются при конкретизации. Решающую роль в таких случаях играет интонация» [14. С. 77]); 3) контринтуитивное использование терминологических обозначений: так, на общеязыковом уровне слова *уточнение* и *конкретизация* могут рассматриваться как синонимы или как гипероним с гипонимом (конкретизация как частный случай уточнения через переключение от абстрактного к конкретному); однако в данной классификации под конкретизацией понимается переход не только от абстрактного к конкретному, но и от общего к частному, от гиперонима к гипониму; при таком использовании лексемы *уточнение* и *конкретизация* синонимизируются, и семантические различия между ними становятся неясными.

В работе Н.Н. Логвиновой [15] к русскому языковому материалу применяется классификация, описанная в зарубежной лингвистике на материале английского языка [19]. Выделены три типа семантических отношений: эквиваленция, атрибуция (характеристика) и интеграция (включение); при этом эквиваленция делится на четыре подтипа (именование, идентификация, определение и переформулирование). В применении к русскому языку неочевидными становятся различия между атрибуцией и определением как подтипом эквиваленции.

О.Ю. Инькова и А.С. Гурьев выделяют следующие типы употребления союза *то есть*, применимые и для описания пояснительных конструкций в целом: 1) определение (дефиниция); 2) обратное определение; 3) дополнение (поясняющее и поясняемое имеют одинаковый экстенционал, но разные интенционалы); 4) интерпретация; 5) следствие; 6) спецификация (*а именно*); 7) выбор (*в том числе*); 8) экзemplификация (*например*); а также, в качестве отдельных видов, перифрастическое переформулирование (*другими словами*), коррекция и хезитация [20]. Данная классификация основывается как на собственно грамматических (тип коннектора), так и на логических (соотношение объемов понятий) критериях.

В нашей работе предпринимается попытка разработать классификацию пояснительных отношений на логических основаниях, т.е. на основе соотношения объемов понятий поясняющего и поясняемого компонентов (см. таблицу). Под объемом понятия (экстенционалом) номинации мы понимаем множество объектов, способных обозначаться данной номинацией.

Операции по соотносению объемов понятия

Пункт	Тип операции	Описание	Графическое представление
A	Уточнение	Объем понятия у поясняющего (B) уже, чем у поясняемого (A)	
B	Обобщение	Объем понятия у поясняющего (B) шире, чем у поясняемого (A)	
C	Отождествление	Объемы понятий равны или почти равны	

Таким образом, если при переходе от поясняемого к поясняющему происходит сужение объема понятия, то реализуется операция уточнения; при расширении объема понятия – операция обобщения; в случае приравнивания объемов понятий – операция отождествления.

Вероятно, можно говорить о своего рода шкале объема понятия. На одном конце такой шкалы будут располагаться местоимения как неполнозначные слова, которые выполняют указательную функцию: их потенциальный объем понятия стремится к бесконечности; на другом конце – другая разновидность неполнозначных слов – имена собственные, функцией которых является уникальное, индивидуальное именование предмета; объем их понятия стремится к единице; срединное положение занимают полнозначные лексемы.

А. Уточнение

М.Н. Кулаковский рассматривает уточняющие функции ВК в художественном тексте, указывая на то, что «подобные вставки конкретизируют определенное понятие, представленное в рамках основного контекста, с помощью указания на его разновидность или путем актуализации наиболее важной части целого» [6. С. 81], и выделяет следующие разновидности уточнения в ВК: 1) прямое уточнение; 2) перечисление составных компонентов определенного понятия; 3) уточнение с помощью приведения примера; 4) уточнение путем исключения; 5) уточнение через расширение; 6) уточнение-акцентирование путем повтора [6].

Мы предлагаем выделять следующие разновидности уточняющих отношений: 1) собственно уточнение; 2) уточнение через повтор с распространением; 3) уточнение через перечисление; 4) включение; 5) исключение. Предлагаемая классификация уточняющих отношений несколько отличается от классификации М.Н. Кулаковского: так, нами выделена дополнительная разновидность – уточнение через повтор с распространением; к этой разновидности мы относим и уточнение через акцентирующий повтор, который, как правило, также сопряжен с добавлением если не зависимых членов предложения, то как минимум модальных элементов – частиц, междометий и т.д. Выделяемое М.Н. Кулаковским уточнение через расширение, судя по приводимым примерам, часто выражается посредством сочинительных союзов; такие случаи мы относим не к пояснительным, а к сочинительным отношениям.

А.1. Собственно уточнение. Прототипическим репрезентантом уточняющих отношений представляются **отношения гиперо-гипонимии**: поясняемый компонент представлен гиперонимом, поясняющий – гипонимом, ср.: *Летим на огромное дерево (дуб)* (М.И. Цветаева. Аля (Записи о моей первой дочери)); *Проехав с полверсты в хвосте колонны, он остановился у одинокого заброшенного дома (вероятно, бывшего трактира) подле разветвления двух дорог* (Л.Н. Толстой. Война и мир). Гиперонимы (в приведенных примерах – *дерево, дом* ('строение')) обладают более широким объемом понятия, чем гипонимы (*дуб, трактир*); при переходе от гиперонима к гипониму происходит сужение объема понятия, т.е. собственно уточнение.

Кроме того, в качестве уточняющих отношений могут быть рассмотрены **отношения целое/часть**, ср.: *Одним из первых тайных ужасов и ужасных тайн моего детства (младенчества) было...* (М.И. Цветаева. Черт); *Ялта, Суук-Су, Боровое, Цихидзири, Махинджаури, Ленинград (Зимний дворец)* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита). Важно отметить существенное различие между гиперо-гипонимическими отношениями и отношениями целое/часть: в отличие от гиперо-гипонимического уточнения, при уточняющем переходе от целого к части сужение объема понятия происходит за счет сужения референта (от целого – к части целого). Чаще всего уточнение от целого к части применяется в отношении пространственных или временных отрезков, в большинстве случаев выражаемых обстоятельствами времени или места. Ср.: *Около 16 (точнее, без десяти 16) я был дома* (Е.И. Замятин. Мы).

Для роли уточняющего компонента наиболее пригодны индивидуальные именованья как номинации, объем понятия которых равен единице. Уточняющее индивидуальное именование может быть представлено личным именем (*Он пишет Аракчееву: «Воля государя моего, я никак вместе с министром (Барклаем) не могу»* (Л.Н. Война и мир); топонимом (*Вице-король овладеет деревню (Бородиным) и перейдет по своим трем мостам...* (Л.Н. Толстой. Война и мир)); названием (*Есть у Гумилева стих – «Му-жик» – благополучно просмотренный в свое время царской цензурой...* (М.И. Цветаева. История одного посвящения)) или датой (...нынешнее

число – **9-ое ноября 1928 г.** – крайний час и миг этого дня (М.И. Цветаева. Наталья Гончарова)).

В роли уточняемого компонента высокочастотны местоимения как элементы с потенциально неограниченным объемом понятия. Местоимения могут входить в состав уточняемого компонента (...*пижам в те времена (шестьдесят лет назад!) не было...* (М.И. Цветаева. Живое о живом)) или представлять его полностью (*Николай ни одним словом не намекнул на то, что теперь (в случае выздоровления князя Андрея) прежние отношения между ним и Наташей могли возобновиться* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *В своем (гении) то же, что Гончарова в своем (красоте)* (М.И. Цветаева. Наталья Гончарова)).

Использование **неопределенных местоимений** в роли уточняемого компонента связано с недостаточностью информации у субъекта речи или субъекта восприятия; при этом уточняющий компонент обычно содержит вводное слово со значением предположения, ср.: *Кто-то (казалось, его поверенный по делам) писал ему из Москвы, что известная особа скоро должна вступить в законный брак с молодой и прекрасной девушкой* (А.С. Пушкин. Повести Белкина); *Всякий молодой человек, приезжавший в дом Ростовых, глядя на эти молодые, восприимчивые, чему-то (вероятно, своему счастью) улыбающиеся девические лица... испытывал одно и то же чувство готовности к любви и ожидания счастья, которое испытывала и сама молодежь дома Ростовых* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *С полочки на стене прямо в лицо мне чуть приметно улыбалась курносая асимметрическая физиономия какого-то из древних поэтов (кажется, Пушкина)* (Е.И. Замятин. Мы).

Уточнение **анафорических местоимений** (в частности, личных местоимений 3-го л. и относительных местоимений) является разрешением анафоры (anaphora resolution [21]), выполненным самим автором. Ср. случаи уточнения личных местоимений 3-го л.: – *Теперь судят и обвиняют его (Сперанского) все те, которые месяц тому назад восхищались им, — говорил князь Андрей...* (Л.Н. Толстой. Война и мир); – *Знаешь, я часто боюсь, что мы не говорим о нем (князе Андрее), как будто мы боимся унижить наше чувство, и забываем* (Л.Н. Толстой. Война и мир). В обоих приведенных примерах основная часть, содержащая уточняемую анафору, представлена репликами персонажей, а уточняющая ВК – словами автора (повествователя). Парадоксально, но необходимость уточнения анафоры возникает из-за установки на точную передачу живой речи. Отсутствие антецедента анафоры в репликах персонажей имитирует смысловую неполноту реплик в контексте живого разговора, которая становится возможной благодаря активированности референта анафоры (referent's activation [22]) для непосредственных участников коммуникации. В первом примере активированность референта является временной, обусловленной конситуацией; второй же пример демонстрирует постоянную салиентность референта для обеих участниц коммуникации, обеспечивающую, несмотря на отсутствие антецедента, однозначное разрешение анафоры и для отправителя, и для получателя, и, таким образом, выполняющую характерологическую функцию.

Уточнение анафорического местоимения также может использоваться в случаях референциальной неоднозначности [23]; ср.: *Всякий, входящий в Грибоедова, прежде всего знакомился невольно с извещениями разных спортивных кружков и с групповыми, а также индивидуальными фотографиями членов МАССОЛИТа, которыми (фотографиями) были увешаны стены лестницы, ведущей во второй этаж* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита). В данном примере уточнению подвергается относительное местоимение *который*: в роли его потенциальных антецедентов выступают именны́е группы *извещения разных спортивных кружков и фотографии членов МАССОЛИТа* и *члены МАССОЛИТа*. В пользу выбора первой именной группы в качестве антецедента выступают следующие факторы: 1) принцип приоритета первого упоминания [23. С. 132]; 2) совпадение грамматических форм (Тв. п., мн. ч.) вершин данной именной группы (*извещениями, фотографиями*) и анафоры (*которыми*); 3) логика естественного порядка вещей, в соответствии с которой в качестве объектов, развешанных на стенах, вполне ожидаемы объявления и фотографии. В пользу выбора второй именной группы выступает только ее бо́льшая близость к анафоре в речевой цепочке; поэтому в качестве антецедента анафоры выбирается первая именная группа. Уточнение анафоры в ВК, таким образом, является избыточным и служит не столько для разрешения референциальной неоднозначности, сколько для привлечения внимания к этой неоднозначности: избыточное уточнение стимулирует поиск и подстановку другого референта анафоры, отличающегося от упомянутого в скобках; в результате (казалось бы, вопреки авторскому уточнению, но в то же время благодаря ему) создается комическая пропозиция *стены лестницы были увешаны членами МАССОЛИТа*.

А.2. Уточнение через повтор с распространением. Вследствие отношений обратной зависимости, в которых находятся объем понятия и содержание понятия, естественно ожидать меньшего объема понятия от лексем с большим количеством сем, с более сложной семантической структурой, с одной стороны, и от более развернутых сочетаний слов – с другой. По этой причине, вероятно, можно синонимизировать распространяющие повторы с обычными лексическими уточнениями, а признаком тех и других считать большее количество информации, сужающее круг единиц, к которым применима эта информация, т.е., иначе говоря, сужающее объем понятия и таким образом выполняющее логическую функцию уточнения.

Наиболее типичной в этих случаях является ситуация буквального повтора лексемы, присоединяющей зависимые слова во вставке, ср.: *...из каждой груды – серой груды простых камней – неизбежно извлекая тот, которому цены нет!* (М.И. Цветаева. Живое о живом); *... Чичагов должен был передвинуться туда-то (передвинуться выше колена в снегу)...* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *...таинственные силы, двигающие человечество (таинственные потому, что законы, определяющие их движение, неизвестны нам), продолжали свое действие* (Л.Н. Толстой. Война и мир).

Повтор может сопровождаться изменением синтаксического статуса (*Вторая, так страдавшая от первой (тени первой!) – к отцу этой первой*

(М.И. Цветаева. Дом у Старого Пимена)), морфологической формы (...тогда еще не знали, какой – **первый из каких годов** – год (М.И. Цветаева. Живое о живом)); Во-первых, мне в Париже не плохо (**не хуже, чем в любом месте, которого я не выбирала**) (М.И. Цветаева. Китаец)) или словообразовательной структуры слова (Он нес у ноги вынутую тоненькую, узенькую шпагу (**гнутую шпажку, не похожую на оружие**))... (Л.Н. Толстой. Война и мир)).

Повтор может выполнять функцию акцентирования или подчеркивания верности словоупотребления; при этом он обычно сопровождается специальными указателями (частицами, наречиями, междометиями): Я лишь попытаюсь записать то, что вижу, что думаю – точнее, что мы думаем (**именно так: мы, и пусть это «МЫ» будет заглавием моих записей**) (Е.И. Замятин. Мы); Он с упоением помышлял, в глубочайшем секрете, о девице благонравной и бедной (**непреренно бедной**)... (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание); Она весело (**да: весело**) кивнула мне (Е.И. Замятин. Мы). Кроме того, акцентирующий повтор может сопровождаться обособлением верности словоупотребления: И между пониманием, пальцем не шевелящим, и непониманием, руками и ногами помогающим (**да, и ногами, ибо в те годы, чтобы устроить человека – ходили!**)... (М.И. Цветаева. Пленный дух); Справа светлое окно привратницы – **именно привратницы: при вратах, да еще каких!** – которой я никогда не видела... (М.И. Цветаева. Наталья Гончарова).

А.3. Уточнение через перечисление. Как и собственно уточнение, перечисляющее уточнение основано на отношениях гиперо-гипонимии. Различие состоит в том, что при собственно уточнении во вставке содержится только один гипоним, а при перечисляющем уточнении гипонимов несколько. Это различие важнее, чем может показаться на первый взгляд, поскольку проявляется и на референциальном уровне: при перечисляющем уточнении уточняемый компонент в основной части представляет собой собирательное обозначение совокупности предметов, а уточняющий компонент в ВК представляет собой список составляющих этой совокупности; соответственно, денотат и референт уточняемого из основной части дробятся на несколько денотатов и референтов в ВК. Ср.: А вот листочки, которыми Черубина перекладывала стихи, – **маслина, тамариск, полынь** – действительно волошинские... (М.И. Цветаева. Живое о живом).

Перечисление в ВК может быть исчерпывающим, полным, т.е. охватывающим весь состав уточняемого множества; ср.: ...жилплощадь покойного, то есть три комнаты (**бывшие ювелиршины кабинет, гостиная и столовая**), переходят в распоряжение жилтоварищества... (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита). В данном примере три компонента в ВК соответствуют количественному указанию в уточняемом *три комнаты*. При отсутствии дополнительных маркеров дифференциация полного и неполного перечисления часто затруднена. К уточняющему перечислению мы также относим случаи, когда уточнение в ВК состоит всего из одного элемента, но содержит указание на наличие других элементов: ...то признавали самые

искусные дипломаты того времени (*J. Maistre и другие*) (Л.Н. Толстой. Война и мир).

В роли уточняемого компонента при перечислении нередко выступает определительное местоимение со значением предельного обобщения *весь*, ср.: *Все это – костровый жар, червонцы, кумач, чумак – сливалось в одно грозное слово: Пугач...* (М.И. Цветаева. Пушкин и Пугачев); *Но более всего... (более его нежности, более приятного разговора, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчание молодого гусара более всего подстрекало ее любопытство и воображение* (А.С. Пушкин. Повести Белкина).

В роли уточняющих компонентов могут выступать имена собственные, ср.: *...содействовать исполнению одного огромного результата, о котором ни один человек (ни Наполеон, ни Александр, ни еще менее кто-либо из участников войны) не имел ни малейшего чаяния* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *...древо познания добра и зла, плоды которого – «Девочки» Лухмановой, «Вокруг света на Коршуне» Станюковича, «Катакомбы» Евгении Тур, «Семейство Бор-Раменских» и целые годы журнала «Родник» – я так жадно и торопливо, виновато и неудержимо пожирала...* (М.И. Цветаева. Черт).

Уточняющее перечисление может затрагивать не только элементы множества, но и составные части целого, ср.: *...в иные минуты его сильной сосредоточенности от него, из него – концев пальцев и концев волос – было пламя, настоящее, жгущее* (М.И. Цветаева. Живое о живом).

В большинстве случаев уточняемые и уточняющие компоненты представлены словами с предметным значением, однако возможно и использование признаковой лексики, ср.: *...и как бы по-разному – всеисторически или бесшумно – мы, участники того нездешнего вечера, ни умирали...* (М.И. Цветаева. Нездешний вечер).

А.4. Включение. При включении, как и при уточняющем перечислении, уточняемое слово представляет собой составное понятие, обозначение некоего множества предметов; однако, в отличие от уточняющего перечисления, при включении уточняющий компонент представлен только одним элементом из уточняемого множества.

В большинстве случаев включение сопровождается специальными маркерами: вводными словами (*...мешочек завяжет лентой с шоколадной коробки, поднесенной ей иловайской молодежью (значит, и им) в прошлый сочельник...* (М.И. Цветаева. Дом у Старого Пимена)); наречиями (*Наконец, некоторые (особенно из психологов) допустили даже возможность того, что и действительно он не заглядывал в кошелек...* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание)); частицами (*...все на свете – даже меня! – забыв...* (М.И. Цветаева. Повесть о Сонечке)); предложениями (*Все лучшее, что можно было слышать, я отродясь слышала (будущее включая!)* (М.И. Цветаева. Мать и музыка); *... в 1812 году силы эти – миллионы людей (считая тех, которые перевозили и кормили армию) двинулись с Запада на Во-*

сток, к границам России... (Л.Н. Толстой. Война и мир)); предложно-именными сочетаниями (*Он знал это и потому терпеливее своих лошадей (в особенностях левого рыжего – Сокола, который бил ногой и, пережевывая, перебирал удила)* ожидал того, что будет (Л.Н. Толстой. Война и мир)).
Случаи включения без специальных маркеров встречаются редко, ср.: *«Взято у Ангелова 18 декабря 1918 года: рояль «Беккер» номер 97012, табурет к нему мягкий, бюро две штуки, гардеробов четыре (два красного дерева), шифоньер один»* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

А.5. Исключение. Исключение как разновидность уточняющих отношений близко к включению: уточняемый компонент обозначает совокупность предметов или составное понятие, уточняющий – один предмет, который может быть отнесен к этой совокупности. Различия между включением и исключением проходят по линии утверждения/отрицания: при включении утверждается принадлежность предмета к совокупности, при исключении – отрицается. Случаи исключения относительно редки. Исключение обычно сопровождается специальными маркерами: – *За что вам дала судьба таких двух славных детей (исключая Анатоля, вашего меньшого, я его не люблю, – вставила она безапелляционно, приподняв брови), – таких прелестных детей?* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *Первый начал говорить генерал Армфельд, неожиданно, во избежание представившегося затруднения, предложив совершенно новую, ничем (кроме как желанием показать, что он тоже может иметь мнение) не объяснимую позицию...* (Л.Н. Толстой. Война и мир).
Возможно также введение исключения без специальных маркеров, посредством переключения между отрицанием/утверждением, ср.: – *Я в школе любила только географию – конечно, не все эти широты и долготы и градусы (меридианы – любила), – имена любила, названия...* (М.И. Цветаева. Повесть о Сонечке). В данном примере содержатся сразу две оговорки и, соответственно, две ситуации исключения: из составного понятия *география* по признаку эмоциональной приязни исключается ряд географических терминов (*широты и долготы и градусы*), затем делается оговорка о непринадлежности к этому ряду термина *меридианы* – вероятно, на основании звуковой характеристики данного термина, выделяющегося среди других не столько по смыслу, сколько по необычному звучанию. ВК представляются оптимальным средством для передачи подобного нанизывания оговорок, эмоциональной произвольности при выполнении строгих логических операций – своеобразности речи персонажа, выполняющей яркую характерологическую функцию.

В. Обобщение

В.1. Обобщение номинаций с объемом понятия, большим единицы.
Данный подтип встречается редко, поскольку элемент в ВК склонен рематизироваться, а для рематизации единицы с понятийным содержанием, меньшим, чем у предшествующих единиц, нужны дополнительные основания. Ср.: *Молодой, если не красивый, то прекрасный, именно прекрасный (вообще все, что угодно от блага: прекрасный, прекрасный, прекрасный,*

благонамеренный, все, все, кроме – рódный, этого не было, и из-за этого-то...)... Приведенный пример довольно специфичен, поскольку обобщение *вообще все* в ВК сразу же подвергается уточняющему перечислению.

В.2. Обобщение номинаций с объемом понятия, равным единице.

При использовании в качестве поясняемого компонента номинаций, объем понятия которых равен единице, любая полнозначная лексема будет превосходить такую номинацию по объему понятия и, соответственно, выступать по отношению к нему в роли обобщающей. В результате такого типа обобщения происходит отнесение обозначенного поясняемым компонентом референта к некоему множеству, обозначенному поясняющим компонентом, и наделение референта свойствами, характерными для этого множества и входящими в понятийное содержание поясняющего компонента.

Мы выделяем следующие разновидности номинаций, объем понятия которых равен единице:

1) собственные именованья: *В этот же вечер третьего дня праздников должен был быть один из тех балов у Иогеля (танцевального учителя), которые он давал по праздникам для всех своих учеников и учениц* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *...Марья Ивановна имела с нею всегдашние сношения через Палашку (девку бойкую, которая и урядника заставляет плясать по своей дудке)...* (А.С. Пушкин. Капитанская дочка); *...и страстная сыновность России – не матери, а мачехе! – и ревность в браке, и неверность в браке...* (М.И. Цветаева. Наталья Гончарова).

2) личные местоимения 1-го лица ед. ч., а также другие местоимения, референт которых однозначно определен в предшествующем контексте: *Обжора, упав лицом в злосчастную землянику – плачет, и плачу с ним – сама земляничная обжора и невежа – я* (М.И. Цветаева. Черт); *Неделю мой скромный Икс гонял по иловайскому делу, он – олицетворенные две ноги – на автомобиле!* (М.И. Цветаева. Дом у Старого Пимена);

3) номинации, объем понятия которых сведен к единице посредством других определителей (имен собственных или местоимений): *...вдруг у андреевских детей (семьи, снимавшей флигель) окажется скарлатина?* (М.И. Цветаева. Мой Пушкин); *...осмотрелась вокруг себя, увидела дочь своего соседа (пятнадцатилетнюю девушку), идущую по дороге, – кликнула ее...* (Н.М. Карамзин. Бедная Лиза);

4) номинации, единичный объем понятия которых задан конситуацией: *Расказчица (бывшая следовательница Чека), сраженная бесстрашием деда и многих других подсудимых, менее древних...* (М.И. Цветаева. Дом у Старого Пимена); *И дала не только просительнице (любимице, Nesthackchen), но всем: нелюбимице – мне и лодырю-брату* (М.И. Цветаева. История одного посвящения).

С. Отождествление

Отношения полного тождества важны в логике, но мало целесообразны для поступательного смыслового развертывания текста – особенно при использовании в ВК, которые, как отмечалось выше, склонны к рематизации;

рематизация полного смыслового повтора непродуктивна. В вставных конструкциях смысловое отождествление сопровождается сменой языковых систем или подсистем либо сменой точек зрения. Соответственно, к случаям отождествления мы будем относить следующие ситуации: 1) перевод с одного языка на другой, то есть переключение с одной системы кодирования на другую; 2) синонимия; 3) отождествление номинаций с объемом понятия, равным единице.

С.1. Перевод. При переводе на русский язык в большинстве случаев поясняемый иноязычный текст представляет собой цитацию чужой речи. Чужая речь может быть представлена в виде реплики персонажа (...покачивал головой и раз даже со вздохом шепнул: *poveretti (бедняжки!)*) (И.С. Тургенев. Накануне)); авторского пересказа (*Ася необычайно «liebreich» (любвеобильна). Я настолько «geistreich» и «frühreif» (раннего развития), что уже печатаюсь в русских детских журналах...* (М.И. Цветаева. Башня в плюще)); характеристики особенностей словоупотребления (*Они называли квас limonade de cochon (свиной лимонад)...* (Л.Н. Толстой. Война и мир)). Поясняемая иноязычная номинация может быть передана русской графикой и адаптирована к русской языковой системе – например, посредством суффикса, как в следующем примере: «*Я здесь, подле тебя, моя джанечка (то есть, по-нашему, душенька)*», – отвечал он, взяв ее за руку (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Обратное использование в качестве поясняющей составляющей иноязычных элементов («прием семантического дублирования русского слова» иноязычным [24. С. 263]) имеет свою специфику: иноязычный элемент вряд ли может быть более понятным, чем использованный в основной части русский перевод; иноязычные варианты в ВК применяются для точности передачи чужой речи либо для более точного выражения передаваемых смыслов. Ср. цитирование написанной на французском записки: «*Твой добрый толстяк (ton gros bonhomme de mari) об эту пору обыкновенно зарывается в свои книги; мы опять споем ту песенку вашего поэта Пушкина (de votre poete Pouskine), которой ты меня научила...*» (И.С. Тургенев. Дворянское гнездо). Интересен также следующий пример: – ...с учителями (*avec les outchitels*) он не церемонится и уже двух засек до смерти (А.С. Пушкин. Дубровский) – речь француза, переданная на русском, содержит русское слово *учитель*, адаптированное к французскому языку (наделенное французскими окончанием и артиклем – *les outchitels*). Иноязычные пояснения в ВК могут использоваться и при передаче внутреннего состояния, особенностей восприятия и хода мыслей думающего на иностранном языке действующего лица: *Увидав на той стороне казаков (los Cosaques) и расстилавшиеся степи (les Steppes), в середине которых была Moscou la ville sainte, столица того, подобного Скифскому, государства, куда ходил Александр Македонский, – Наполеон, неожиданно для всех и противно как стратегическим, так и дипломатическим соображениям, приказал наступление...* (Л.Н. Толстой. Война и мир). Во всех трех примерах основной текст представляет собой выполненный автором-повествователем перевод или

пересказ на русском языке, тогда как ВК содержат дублирующие фрагменты на языке, с которого был выполнен перевод.

Иной тип функционирования наблюдается в тех случаях, когда весь текст основной части не является переводом, но содержит понятия, которые имеют более точное или более широко употребительное обозначение на другом языке. Ср. дублирование медицинской терминологии на латыни: «...*коллежский секретарь Илья Обломов одержим отолщением сердца с расширением левого желудочка оногo* (***Hypertrophia cordis cum dilatatione ejus ventriculi sinistri***), а равно хроническою болью в печени (***hetitis***)...» (И.А. Гончаров. Обломов). Ср. также метафорическое использование термодинамического термина на французском: *Он понял ту скрытую* (***latente***), *как говорится в физике, теплоту патриотизма...* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *На всех лицах светилась теперь та скрытая теплота* (***chaleur latente***) *чувства, которое Пьер замечал вчера...* (Л.Н. Толстой. Война и мир).

Иноязычный перевод в ВК может служить для прояснения значения, в котором использована русскоязычная номинация: ...*шутки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: особенность характера, самобытность* (***individualité***)... (А.С. Пушкин. Повести Белкина). Ср. комментарий В.В. Виноградова к этому фрагменту: «Церковнославянское слово *самобытность* сближалось по значению со словом *самостоятельность* (буквальный перевод нем. *Selbständigkeit*). Значение *оригинальность, своеобразие, составляющее внутреннюю сущность какой-нибудь личности* этому слову не было присуще в 20–30-е годы. <...> Пушкин, вкладывая это значение в слово *самобытность* к франц. *individualité*, по-видимому, пытался внести большую определенность в смысловую структуру этого слова, отделить его от заимствованных синонимов» [24. С. 265].

К ситуациям своеобразного перевода мы также относим случаи, при которых поясняемый компонент представлен номинациями, измененными в результате индивидуальных особенностей произношения, а поясняющий – общепотребительными номинациями. Вероятно, можно утверждать, что в таких случаях происходит перевод с идиолекта на литературный язык. Ср.: ...*первым, уже вполне осмысленным словом этой Аси, запутавшейся в голубой сетке кровати, оказалось «рангá»* (***нога***)... (М.И. Цветаева. Мать и музыка); *Тут было что-то про «мамасю» и что «мамася плибьет», про какую-то чашку, которую «лязбиля»* (***разбила***) (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание); – *А-зе, сто-зе, эти сутки* (***шутки***) *здесь не места!* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

С.2. Синонимическая замена. Использование синонимов в ВК может быть обусловлено следующими особенностями поясняемых компонентов:

1) многозначность поясняемого компонента – синоним позволяет актуализировать необходимое значение, ср.: *Ведь во-век – это не только в наш век* (***жизнь***), *в наш век* (***столетие***), *а вообще – и во веки веков* (М.И. Цветаева. Наталья Гончарова). В основной части повторяется одна и та же лексема *век*, но введение различных синонимов в ВК превращает буквальный повтор

в реализацию разных лексико-семантических вариантов. Поясняющим компонентом может быть развернутый оборот, описывающий необходимое значение: *Только допустив бесконечно-малую единицу для наблюдения – дифференциал истории, то есть однородные влечения людей, и достигнув искусства интегрировать (брать суммы этих бесконечно-малых), мы можем надеяться на постигновение законов истории* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *Фатализм в истории неизбежен для объяснения неразумных явлений (то есть тех, разумность которых мы не понимаем)* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *Притом, наблюдения за тем, как бы семейным (отделенным от всех других) кружком людей, находившихся на батарее, поглощали все внимание Пьера* (Л.Н. Толстой. Война и мир);

2) иноязычное происхождение поясняемого компонента: *Здесь, кроме закона ретроспективности (возвратности), представляющего все прошедшее приготовлением к совершившемуся факту, есть еще взаимность, путающая все дело* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *Она, напившись чаю, пошла в залу, которую она особенно любила за сильный резонанс, и начала петь свои солфеджи (упражнения пения)* (Л.Н. Толстой. Война и мир);

3) принадлежность к социолекту: *Другая борзая собака... подняв правило (хвост), стала тереться о ноги Николая* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *Волк... прыгнул раз, другой и, мотнув поленом (хвостом), скрылся в опушку* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *Он знал, что в острове были прибылые (молодые) и матерые (старые) волки...* (Л.Н. Толстой. Война и мир); *Русак уже до половины затерся (перелинял)...* (Л.Н. Толстой. Война и мир).

Из приведенных примеров видна близость между случаями перевода и случаями синонимии.

Кроме того, возможно субъективное установление тождества между номинациями, которые не являются синонимами в языковой системе, но имеют совпадающие компоненты значения, актуализируемые в контексте. Ср.: *Звериной (материнской) нежности у меня к Володе не было* (М.И. Цветаева. Повесть о Сонечке). Здесь в ролях поясняемого и поясняющего выступают лексемы, которые обычно склонны скорее противопоставляться: *звериный* ('жестокий, дикий, свирепый') и *материнский* ('заботливый, нежный'). Поверхностное противоречие снимается при задействовании контекста – в данном случае лексемы *нежность*, которая является вершиной для обоих компонентов пояснения. Сближение лексем *материнский* и *звериный* основывается на сближении сочетаний *материнская нежность* и *звериная нежность*. Первое из этих сочетаний является стереотипно-устойчивым, другое, напротив, функционирует на грани парадокса из-за рассогласования коннотаций. Лексема *материнский* в качестве ВК выступает в роли посредника между компонентами *звериный* и *нежность*, нивелируя в лексеме *звериный* рассогласующиеся смысловые компоненты 'жестокость, свирепость' и сохраняя только смысловое ядро 'высокая степень интенсивности', 'природность, естественность, органичность'. Так, на взаимодействии ВК и основной части строятся контекстуальные преобразования значений.

При контекстуальной синонимии поясняющий компонент может изменять представление не только о непосредственно поясняемом, но и о других составляющих основной части. Ср.: *Объяснять стихи? Растворять (убивать) формулу...* (М.И. Цветаева. История одного посвящения). В языковой системе слова *растворять* и *убивать* не являются синонимами. Сближение их в данном контексте основано на реализации их переносных значений, при этом поясняющая лексема *убивать* ('лишать жизни' → 'уничтожать') усиливает интенсивность действия, обозначенного лексемой *растворять* ('разводить жидкостью' → 'уменьшать концентрацию' → 'ослаблять'; в соединении с лексемой *убивать* – 'ослаблять до полного уничтожения'). Кроме того, в противовес лексеме *растворять* как обозначению действия, применяемого к неживым объектам, лексема *убивать* обозначает действие, применяемое к живым объектам и, таким образом, выражает представление о стихах как о живом объекте (совмещаемое при этом с представлением о стихах как о формуле).

Контекстуальная синонимия может поддерживаться формальным сходством номинаций. Ср. *Просто огрызнулась – отгрызнулась – на угрозу заказа* (М.И. Цветаева. История одного посвящения); *Уж одно то, что ты фактически – физически – выше всех, создает друзей и врагов* (М.И. Цветаева. Герой труда); *Не Дантес смеялся, пушкинская смерть смеялась, – той белой лошади раскат (оскал)* (М.И. Цветаева. Наталья Гончарова). Рассмотрим последний из приведенных примеров подробнее. Позиция Р. п. при лексеме *раскат* ('длительный, прерывистый гул'), обычно занимаемая существительным, указывающим на конкретный тип звуков (чаще – *раскаты грома*, но возможны и *раскаты смеха*), в тексте занята существительным, называющим существо, которое издает звуки (*лошадь*), поэтому для определения типа звуков привлекаются слова *смеялась* и *оскал*. Лексема *оскал* ('приоткрытый рот с виднеющимися зубами как выражение угрозы, презрения или насмешки') чаще применяется для характеристики хищных животных, нередко в переносном смысле (*звериный оскал*, *хищный оскал*), возможно также использование в сочетаниях типа *оскал черепа* (коррелирует с упоминанием *смерти* в предыдущем контексте) и *лошадиный оскал* (коррелирует с упоминанием *лошади*). Соответственно взаимодействие паронимов и контекста создаёт косвенное описание страшного смеха смерти-лошади в звуковом плане (гул, похожий на гром) и визуальном (оскал лошадиного черепа).

С.3. Отождествление номинаций с объемом понятия, равным единице. Как отмечалось при анализе отношений обобщения, к номинациям с равным единице объемом понятия мы относим: а) неполнозначные номинации – имена собственные и некоторые местоимения; б) конструкции, состоящие из полнозначных номинаций и ограничивающих их объем понятия неполнозначных номинаций, – в результате такого ограничения вся конструкция становится обозначением уникального объекта.

Наличие вариантов у **имен собственных** может быть обусловлено следующими факторами:

– языковые и (или) лингвокультурные различия: *Решили, что Илье Андреевичу ехать нельзя, а что ежели Луиза Ивановна (**m-me Schoss**) поедет, то барышням можно ехать к Мелюковой* (Л.Н. Толстой. Война и мир);

– субъективные предпочтения именуемого или именующего: *Небольшой дворянский домик на московский манер, в котором проживала Авдотья Никитишна (**или Евдоксия**) Кукина, находился в одной из нововыгоревших улиц города ***...* (И.С. Тургенев. Отцы и дети); *...я бесконечно предпочитала его блистательному Вахтангову (**Сонечкиному «Евгению Багратиону»**)* (М.И. Цветаева. Повесть о Сонечке);

– смена временных плоскостей: *Марья Дмитриевна (**в девицах Пестова**) еще в детстве лишилась родителей...* (И.С. Тургенев. Дворянское гнездо).

Полнозначные номинации, входящие в состав обозначения уникального объекта, сами по себе зачастую обладают несопоставимыми объемами понятия. При ограничении их объемов понятий посредством дополнительных характеристик поясняющий и поясняемый компоненты отождествляются в той смысловой точке, которая представлена референтом. Ср.: *...Е. О., из уважения к куму – **моему отцу** – и снисхождения к людским навыкам...* (М.И. Цветаева. Живое о живом); *...не смеется только старшая сестра, семнадцатилетняя институтка Валерия – в пику мачехе (**моей матери**)* (М.И. Цветаева. История одного посвящения). В приведенных примерах отдельно взятые пары номинаций кум и отец, мать и мачеха обладают несопоставимыми объемами понятия, но в составе комплексных номинаций кум Е. О. – мой отец, мачеха Валерии – моя мать превращаются в обозначения уникального референта и отождествляются в этой смысловой точке.

Кроме того, возможны ситуации, при которых один из компонентов отождествления представлен неполнозначной номинацией, а другой – конструкцией из полнозначной и неполнозначной номинации: – *Я нынче же поговорю Lise (**la femme du jeune Болконский**)* (Л.Н. Толстой. Война и мир).

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Пояснительные отношения занимают промежуточное положение между подчинительными и сочинительными отношениями; пояснительные конструкции представляют субъектно-экспрессивную и субъектно-ориентированную (ориентированную на адресата) форму синтаксиса, выполняющую метакоммуникативную функцию.

2. Происходящее при уточнении уменьшение объема понятия, как правило, сопряжено с увеличением информативного содержания понятия. По этой причине из всех типов пояснительных отношений уточнение в наибольшей степени соответствует логике поступательного развертывания текста: от общего – к частному, от меньшего количества информации – к большему.

3. При обобщении поступательное развертывание текста обеспечивается за счет обмена характеристиками между элементом и множеством: за счет наделения множества свойствами референта (при распространении содержания высказывания на всё множество объектов) или за счет наделения референта свойствами множества (при таксономическом отнесении референта ко множеству объектов).

4. Отождествление, в отличие от уточнения и обобщения, не приводит к увеличению объема информации, но служит для обеспечения более точного выражения или более точного понимания информации. Отождествление нарушает логику поступательного развертывания текста; информационная ценность отождествления обусловлена выполняемой им метаязыковой функцией, т.е. обеспечением взаимодействия разных обозначающих, обусловленных различиями языков, социолектов, идиолектов или конситуаций.

Список источников

1. Кононова И.Ю. Анализ грамматической и лексико-семантической амбивалентности в построениях со вставными конструкциями (на материале художественной прозы М. Цветаевой) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4 (859). С. 65–70.
2. Иванчикова Е.А. Вставные предложения, слова и сочетания слов // Грамматика русского языка / под ред. В.В. Виноградова и Е.С. Истриной. М. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2, ч. 2. С. 165–174.
3. Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1984. 352 с.
4. Полякова Ю.Г. Структура и особенности функционирования вставок в языке газеты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 20 с.
5. Гавриленко И.И. Дополнительная информация в научных текстах: семантические, синтаксические и просодические особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.
6. Кулаковский М.Н. Уточняющие функции вставных конструкций в художественном тексте // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 80–85.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
8. Морфология современного русского языка : учеб. для высш. учеб. заведений / С.И. Богданов, В.Б. Евтюхин, Ю.П. Князев и др. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 634 с.
9. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология : учеб. пособие для студ. М. : МГУ, 1999. 240 с.
10. Прияткина А.Ф. Сочинительные связи внутри простого предложения (открытые и закрытые ряды) // Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. 2. С. 166–180.
11. Прияткина А.Ф. Пояснение. // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М. : Большая российская энциклопедия, 1997. С. 358–359.
12. Глебская Т.Ф. К вопросу о пояснительной связи в простом предложении // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). Гуманитарные науки (спецвыпуск). 2000. Вып. 3 (19). С. 66–68.
13. Селюнина О.А. Сложноподчиненное предложение с придаточным времени и пояснительная конструкция: точки соприкосновения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 337. С. 23–29.

14. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения : учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
15. Логвинова Н.Н. Именные аппозитивные конструкции // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2022. URL: http://rusgram.ru/pdf/appositive_logvinova_181020_final.pdf.
16. Петрунина С.П. Пояснительная конструкция со значением общего–частного в сибирских говорах // Вестник Кемеровского государственного университета. Филология. 2015. № 3 (63), т. 1. С. 173–177.
17. Чуглов В.И. О пояснительных конструкциях и их разновидностях // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. 2011. № 4, Т. 3. С. 127–131.
18. Петрунина С.П. Грамматика говорящего и слушающего в сибирских говорах (на материале парных конструкций) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2008. 45 с.
19. Quirk R. et al. A Comprehensive Grammar of the English Language. London ; New York : Longman, 1985. 1779 p.
20. Инькова О.Ю., Гурьев А.С. К вопросу о категории пояснения в русской грамматике // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1 (35). С. 46–73.
21. Mitkov R. Anaphora Resolution. London : Longman, 2002. 235 p.
22. Kibrik A.A. Reference in Discourse. Oxford : Oxford University Press, 2011. 913 p.
23. Деликишкина Е.А., Федорова О.В. Влияние фактора синтаксической роли антецедента на разрешение референциальной неоднозначности в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М. : Изд-во РГГУ, 2012. Вып. 11 (18). С. 129–137.
24. Виноградов В.В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М. ; Л. : Academia, 1935. 490 с.

References

1. Kononova, I.Yu. (2022) Analiz grammaticheskoy i leksiko-semanticheskoy ambivalentnosti v postroeniyakh so vstavnymi konstruktivnymi (na materiale khudozhestvennoy prozy M. Tsvetaevoy) [Analysis of Grammatical and Lexical-Semantic Ambivalence in Constructions with Parenthetical Elements (Based on M. Tsvetaeva's Prose)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki.* 4 (859). pp. 65–70.
2. Ivanchikova, E.A. (1960) Vstavnye predlozheniya, slova i sochetaniya slov [Parenthetical Sentences, Words and Word Combinations]. In: Vinogradov, V.V. & Istrina, E.S. (eds) *Grammatika russkogo yazyka* [Russian Grammar]. Vol. 2, Part 2. Moscow: USSR AS. pp. 165–174.
3. Raspopov, I.P. & Lomov, A.M. (1984) *Osnovy russkoy grammatiki. Morfologiya i sintaksis* [Fundamentals of Russian Grammar. Morphology and Syntax]. Voronezh: Voronezh State University.
4. Polyakova, Yu.G. (2001) *Struktura i osobennosti funktsionirovaniya vstavok v yazyke gazety* [Structure and Functional Features of Parenthetical Elements in Newspaper Language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
5. Gavrilenko, I.I. (2004) *Dopolnitel'naya informatsiya v nauchnykh tekstakh: semanticheskie, sintaksicheskie i prosodicheskie osobennosti* [Additional Information in Scientific Texts: Semantic, Syntactic and Prosodic Features]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
6. Kulakovskiy, M.N. (2020) Utochnyayushchie funktsii vstavnykh konstruktivnykh v khudozhestvennom tekste [Specifying Functions of Parenthetical Constructions in Literary Texts]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik.* 1 (20). pp. 80–85.
7. Peshkovskiy, A.M. (2001) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Perspective]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

8. Bogdanov, S.I., Evtyukhin, V.B., Knyazev, Yu.P. et al. (2009) *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Morphology of Modern Russian]. St. Petersburg: SPbSU.
9. Kamynina, A.A. (1999) *Sovremennyy russkiy yazyk. Morfologiya* [Modern Russian Language. Morphology]. Moscow: MSU.
10. Priyatkina, A.F. (1980) Sochnitel'nye svyazi vnutri prostogo predlozheniya (otkrytye i zakrytye ryady) [Coordinating Relations Within Simple Sentences (Open and Closed Series)]. In: Shvedova, N.Yu. (ed.) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 2. Moscow: Nauka. pp. 166–180.
11. Priyatkina, A.F. (1997) Poyasnenie [Explanation]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [Russian Language: Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. pp. 358–359.
12. Glebskaya, T.F. (2000) K voprosu o poyasnitel'noy svyazi v prostom predlozhenii [On Explanatory Relations in Simple Sentences]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 3 (19). pp. 66–68.
13. Selyunina, O.A. (2010) Slozhnopodchinennoe predlozhenie s pridatochnym vremeni i poyasnitel'naya konstruktsiya: tochki soprikosnoveniya [Complex Sentences with Temporal Clauses and Explanatory Constructions: Points of Contact]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 337. pp. 23–29.
14. Priyatkina, A.F. (1990) *Russkiy yazyk: Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya* [Russian Language: Syntax of Complicated Sentences]. Moscow: Vysshaya shkola.
15. Logvinova, N.N. (2022) *Imennye appozitivnye konstruktsii* [Nominal Appositive Constructions]. [Online] Available from: http://rusgram.ru/pdf/appositive_logvinova_181020_final.pdf
16. Petrushina, S.P. (2015) Poyasnitel'naya konstruktsiya so znacheniem obshchego–chastnogo v sibirskikh govorakh [Explanatory Constructions with General-Particular Meaning in Siberian Dialects]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 63 (3–1). pp. 173–177.
17. Chuglov, V.I. (2011) O poyasnitel'nykh konstruktsiyakh i ikh raznovidnostyakh [On Explanatory Constructions and Their Varieties]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Cherepovets State University Bulletin. Philology]. 4 (3). pp. 127–131.
18. Petrushina, S.P. (2008) *Grammatika govoryashchego i slushayushchego v sibirskikh govorakh (na materiale parnykh konstruktsiy)* [Grammar of Speaker and Listener in Siberian Dialects (Based on Paired Constructions)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
19. Quirk, R. et al. (1985) *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London: Longman.
20. Inkova, O.Yu. & Guryev, A.S. (2018) K voprosu o kategorii poyasneniya v russkoy grammatike [On the Category of Explanation in Russian Grammar]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 35 (1). pp. 46–73.
21. Mitkov, R. (2002) *Anaphora Resolution*. London: Longman.
22. Kibrik, A.A. (2011) *Reference in Discourse*. Oxford: Oxford University Press.
23. Delikishkina, E.A. & Fedorova, O.V. (2012) Vliyanie faktora sintaksicheskoy roli antetsedenta na razreshenie referentsial'noy neodnoznachnosti v russkom yazyke [The Influence of Antecedent's Syntactic Role on Reference Resolution in Russian]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. 11 (18). pp. 129–137.
24. Vinogradov, V.V. (1935) *Yazyk Pushkina. Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Pushkin's Language. Pushkin and the History of Russian Literary Language]. Moscow–Leningrad: Academia.

Информация об авторе:

Кононова И.Ю. – преподаватель кафедры методики обучения русскому языку и литературе Чирчикского государственного педагогического университета (Чирчик, Узбекистан). E-mail: konirina@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.Yu. Kononova, lecturer, Chirchik State Pedagogical University (Chirchik, Republic of Uzbekistan). E-mail: konirina@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.03.2024;
одобрена после рецензирования 22.08.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*The article was submitted 01.03.2024;
approved after reviewing 22.08.2024; accepted for publication 19.05.2025.*